

Э. О. Чирóвици

КНИГА ЗЕРКАЛ

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Ч 65

E. O. Chirovici
THE BOOK OF MIRRORS
Copyright © 2017 by E. O. Chirovici
All rights reserved

Перевод с английского Александры Питчер

Серийное оформление и оформление обложки
Вадима Пожидаева

ISBN 978-5-389-12356-4

© А. Питчер, перевод, 2017
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство АЗБУКА®

Что — мы? что — не мы? Сон тени —
Человек.

*Пиндар. Пифийские песни. Ода 8 «Алкмеон»
(Аристомену Эгинскому), строки 96–97.*

Перевод М. Л. Гаспарова

Человек часто бывает не самим собой,
а кем-то другим.

*Оскар Уайльд. Тюремная исповедь.
Перевод Р. Райт-Ковалевой, М. Ковалевой*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ПИТЕР КАЦ

Воспоминания — как пули. Одни пролетают мимо и только пугают. А другие впиваются в плоть и разрывают тебя в клочья.

Ричард Кадри. Убить мертвых

Заявку на публикацию я получил в январе, когда все сотрудники агентства еще маялись послепраздничным похмельем.

Электронное письмо ловко миновало папку со спамом и оказалось в папке входящих сообщений, затерявшись среди нескольких десятков других. Прочтенное мельком, оно меня все же чем-то зацепило. Я распечатал его вместе с приложенным отрывком рукописи, сложил листки в ящик стола и, отвлеченный неотложными делами, забыл о них до конца месяца. Перед длинным уик-эндом в День Мартина Лютера Кинга я снова наткнулся на заявку в кипе тех, с которыми собирался ознакомиться в выходные.

В письме за подписью Ричарда Флинна говорилось следующее:

Уважаемый Питер!

Меня зовут Ричард Флинн. Двадцать семь лет назад я был студентом факультета английской филологии в Принстоне. Я мечтал стать литератором, напечатал несколько

рассказов и даже написал роман в сто тысяч слов, однако отчаялся его опубликовать, получив отказы от ряда издательств (сейчас роман мне представляется посредственным и скучным). После этого я устроился на работу в небольшое рекламное агентство в Нью-Джерси, и моя карьера до сих пор связана с рекламой. Поначалу я внушал себе, что реклама — своего рода литературное творчество и что в один прекрасный день я вернусь к писательской деятельности. Разумеется, этого не случилось. По-моему, большинство из нас с возрастом приобретает злополучную способность запира́ть юношеские мечты в сейф и хоронить его на дне Ист-Ривер. Признаюсь, не избежал этой участи и я.

И все же несколько месяцев назад внезапное известие напомнило мне о ряде трагических событий, происшедших осенью и зимой 1987-го, в последний год моего обучения в Принстоне. Наверное, и с вами подобное случалось: вроде бы совершенно забываешь о чем-то или о ком-то, а потом вдруг оказывается, что эти воспоминания все время скрывались в каком-то тайнике сознания и до сих пор сохранили свежесть и непосредственность — будто открываешь чулан со всяким барахлом, ненароком сдвигаешь что-то на полке, а оттуда обрушивается целая лавина старья.

Вот и эта новость стала своего рода запахом; размышляя о скрытом в ней смысле, я сел за стол, начал переносить свои воспоминания

на бумагу и остановился лишь после полуночи, написав не меньше пяти тысяч слов, как будто внезапно вспомнил о своем призвании, дотоле совершенно забытом. Я отправился в ванную почистить зубы перед сном, а из зеркала на меня смотрел кто-то другой.

Впервые за долгие годы я уснул без снотворного, а на следующий день взял в рекламном агентстве двухнедельный отпуск по болезни и продолжил писать.

Все события тех месяцев 1987 года, с необычайной отчетливостью возникшие перед мысленным взором, я воспринимал теперь ясно, в мельчайших подробностях. Разум, очнувшись от долгого оцепенения, воссоздавал яркие картины событий, участниками которых были Лора Бейнс, профессор Джозеф Видер и я сам.

Случившаяся трагедия в то время вызвала газетную шумиху. Из-за пристального внимания полицейских и журналистов мне пришлось оставить Принстон и завершить образование в Корнелле. Там, в скучной и пыльной Итаке, я провел два года, получив наконец степень магистра гуманитарных наук. Однако же никто не знал всей правды о событиях, навсегда изменивших мою жизнь.

Как упоминалось выше, правда стала мне известна всего три месяца назад, и я решил поведать ее миру, несмотря на горькую обиду и разочарование, гложущие меня до сих пор. Боль и гнев зачастую придают не меньше сил, чем любовь; плод моих трудов — эта рукопись,

причинившая мне немало физических и душевных страданий. В соответствии с требованиями, изложенными на вашем веб-сайте, прилагаю ознакомительный отрывок; если он вас заинтересует, я готов представить полный текст под рабочим названием «Книга зеркал».

Пожалуй, на этом я прервусь, чтобы уложиться в требуемые пятьсот слов. О себе скажу лишь, что родился и вырос в Бруклине, не женат и бездетен — наверное, потому, что так и не смог забыть Лору. Мой брат Эдди живет в Филадельфии, но видимся мы редко. На поприще рекламы я не достиг особых успехов, но и провальной мою карьеру не назовешь; я влачу удручающе обыденное существование среди вавилонского столпотворения. За годы работы я дослужился до старшего копирайтера в агентстве средней руки на Манхэттене, неподалеку от Челси, где живу вот уже двадцать лет. Я не езжу в «порше», не заказываю люксы в пятизвездочных отелях, но и не тревожусь о завтрашнем дне, то есть денег мне хватает.

Благодарю за внимание. По возможности уведомите меня, заинтересовала ли вас рукопись. Адрес и телефон прилагаются.

С уважением,

Ричард Флинн

Далее следовал адрес — где-то рядом с вокзалом Пенн-стейшн. Район мне был хорошо знаком — я и сам там когда-то жил.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПИТЕР КАЦ

В целом заявка была необычной.

За пять лет работы в литературном агентстве «Бронсон и Мэттерс», где я начинал младшим помощником, мне довелось ознакомиться с сотнями, если не тысячами заявок от авторов. Агентство рассматривало любые заявки, но в основном поступавшие предложения были написаны неуклюже, безжизненно, стандартно, так что создавалось ощущение, будто автор обращается не к тебе лично, а рассылает типовые письма в сотни адресов, почерпнутых из реестра литературных агентов. Вдобавок многие заявки содержали избыточную, бесполезную информацию. Письмо Ричарда Флинна выгодно отличалось от них: оно было продуманно, хорошо написано, и от него веяло человеческой теплотой. Он не упоминал, что связался только со мной, но отчего-то хотелось думать, что по какой-то лишь ему ведомой причине он обратился именно ко мне.

Я невольно проникся необъяснимой симпатией к автору письма и, надеясь, что рукопись мне понравится, полагал, что смогу дать положительный ответ. Я отложил остальные рукописи, заварил кофе, уселся на диван в гостиной и начал читать присланный отрывок.

Глава первая

Для большинства американцев 1987-й был годом невиданного взлета и неожиданного крушения фондового рынка, годом Ирангейта¹, пошатнувшего репутацию Рональда Рейгана, и годом, когда мыльная опера «Дерзкие и красивые» заполонила экраны телевизоров. В 1987 году я впервые влюбился — и впервые поверил в существование дьявола.

Вот уже три года я учился в Принстоне, где жил в уродливом старом доме на Байярд-стрит, между библиотекой богословской семинарии и музеем изящных искусств. Первый этаж занимала гостиная, смежная с кухней, а на втором этаже размещались две просторные спальни, каждая со своей ванной комнатой. От дома до Маккош-Холла, где проводились лекции и семинары по английской литературе, было двадцать минут ходу.

¹ *Ирангейт*, скандал Иран-контрас, — политический скандал в США в середине 1980-х гг, связанный с участием администрации США в тайных поставках оружия в Иран и финансированием никарагуанских повстанцев-контрас. Расследование велось с ноября 1986 г. по июль 1993 г. и завершилось публикацией отчета в январе 1994 г.

Однажды в октябре я вернулся домой и, к своему невероятному удивлению, обнаружил на кухне высокую стройную девушку с длинными белокурыми волосами, разделенными на прямой пробор. Она приветливо взглянула на меня сквозь стекла очков в широкой оправе, придававших ей одновременно и суровый, и сексапильный вид, и продолжила безуспешные попытки выдавить горчицу из тюбика, не замечая, что отверстие запечатано фольгой. Я отвинтил крышку, скovyрнул фольгу и вернул тюбик незнакомке, которая тут же размала густую желтую массу по толстой, только что отваренной сосиске.

— Спасибо, — произнесла девушка, несколько не смущаясь говора, характерного для уроженцев Среднего Запада. — Хочешь?

— Нет, спасибо. Кстати, меня зовут Ричард Флинн. А ты — моя новая соседка?

Кивнув, она торопливо прожевала кусок сосиски, проглотила и ответила:

— Лора Бейнс. Приятно познакомиться. Слушай, а тот тип, который прежде здесь жил, — он что, ручного скунса держал? Вонь такая, что волосы кудрями завиваются. Ну, я все равно буду все перекрашивать. Да, и с титаном что? Я полчаса ждала, пока вода нагреется.

— Он курил, — объяснил я. — В смысле мой прежний сосед, не титан. И не только табак. А потом взял академический отпуск и уехал домой. Хорошо, что хозяйка не потребо-

вала с него арендной платы за весь год. А с титаном три водопроводчика боролись, но так и не починили. Ну, надежда умирает последней...

— Скатертью дорожка, — сказала Лора, обращаясь к уехавшему жильцу, а потом кивнула на микроволновку в углу. — Я попкорна сейчас сделаю, а потом телевизор посмотрю — по Си-эн-эн Джессикику будут показывать.

— Джессика — это кто?

Тренькнул звоночек микроволновки, давая знать, что горячий попкорн пора пересыпать в большую стеклянную миску, которую Лора достала из шкафчика над мойкой.

— Джессика Маклюр¹ — девчушка, которая в колодец упала, в Техасе, — объяснила она, протяжно выговаривая гласные. — По Си-эн-эн в прямом эфире спасательные работы. Не слышал, что ли? Все только об этом и говорят.

Лора пересыпала попкорн в миску и помянула меня за собой в гостиную.

Мы уселись на диван, и Лора включила телевизор. Уставившись на экран, мы молча следили за происходящим. Стоял теплый октябрь, дождей почти не было. За окнами сгущались тихие сумерки. Близ церкви Святой Троицы загадочно темнел парк.

Лора доела сосиску, рассеянно зачерпнула горсть попкорна. Обо мне она словно бы за-

¹ Джессика Маклюр Моралес (р. 1986) упала в колодец вентиляционной шахты 14 октября 1987 г.; операция по спасению ребенка длилась почти двое суток и непрерывно транслировалась по новостному каналу Си-эн-эн.

была. На экране какой-то инженер-строитель объяснял репортеру, как продвигается рытье параллельной шахты, по которой спасатели спустятся под землю и вытащат ребенка. Лора скинула шлепанцы, подобрала ноги под себя. Ногти на пальцах ног были выкрашены пурпурным лаком.

— А ты что изучаешь? — наконец спросил я.

— Психологию, — ответила она, не отрывая взгляда от экрана. — Второй диплом. Первый в Чикагском университете получила, по математике. А родилась и выросла в Эванстоне, штат Иллинойс — ну, там, где все табак жуют и кресты палят, знаешь?

Я сообразил, что она на пару лет старше, и несколько напрягся — в юности даже небольшая разница в возрасте кажется огромной.

— А я-то думал, что это только в Миссисипи. Нет, в Иллинойс меня не заносило — я родился и вырос в Бруклине, а на Среднем Западе только раз бывал. Мне лет пятнадцать было, мы с отцом поехали рыбачить в Миссури, на плато Озарк. И в Сент-Луис проездом заглянули. А почему тебя после математики на психологию потянуло?

— Ну, меня в школе гением считали, — сказала Лора. — В старших классах я все время на математических олимпиадах выигрывала, даже на международных, а к двадцати одному году получила диплом магистра. Мне аспирантуру предлагали, но я от всех грантов

отказалась и приехала в Принстон психологию изучать. А первый диплом помог мне получить место в исследовательской программе.

— Здóрово. Только я не об этом спрашиваю.

— Потерпи, узнаешь. — Она стряхнула попкорновые крошки с футболки.

Я хорошо помню, что на Лоре были джинсы — варенки с зипперами, по тогдашней моде, — и белая футболка.

Лора подошла к холодильнику за банкой кока-колы, спросила, не принести ли и мне, открыла обе банки, воткнула в них соломинки и вернулась на диван.

— Летом, сразу после выпуска, я влюбилась в парня из Эванстона, он домой на каникулы приехал из Массачусетского технологического института, компьютеры там изучал. Симпатичный такой, умный. Джон Финдли. Он меня на два года старше, мы по школе друга друга смутно помнили. А через месяц его у меня увели. Джулия Крейг, тупая как пробка, из тех мартышек, что два десятка слов затвердили, ноги научились брить и с вилкой и ножом обращаться. Так вот, меня осенило, что в интегралах и уравнениях я разбираюсь, но совершенно не понимаю мыслительный процесс людей вообще и мужчин в частности. Ну, для того чтобы не провести всю оставшуюся жизнь в обществе кошек, морских свинок и попугайчиков, я и решила поступить на факультет психологии, потому и приехала в Принстон.

Поначалу мама отговорить меня пыталась, хотя хорошо знает, что я скорее на помеле летать выучусь, чем свое решение изменю. Вот, сейчас я на последнем курсе и нисколечко не жалею.

— И я на последнем курсе. Так ты разобралась, в чем хотела? — спросил я. — В смысле, мыслительный процесс мужчин изучила?

Она, в первый раз взглянув мне в глаза, ответила:

— Не знаю. Впрочем, каких-то успехов добилась. Джон со своей годзиллой расстался через пару недель, только я на его звонки не отвечала, хотя он несколько месяцев названивал. Наверное, я слишком переборчивая.

Она допила кока-колу и поставила жестянку на стол.

Мы смотрели телевизор, где все еще показывали операцию по спасению девчущки из Техаса, болтали почти до полуночи, пили кофе, иногда выходили в сад покурить «Мальборо» — сигареты Лора принесла из своей спальни. Я помог Лоре перетащить вещи из багажника старенького «хендая», запаркованного в гараже, и собрать платяной шкаф.

Лора оказалась очень милой, веселой и весьма начитанной. Я достиг того возраста, когда в молодых людях безудержно играют гормоны. Девушки у меня не было, а секса хотелось ужасно, однако я хорошо помню, что даже не мечтал заманить Лору в постель. Я считал, что у нее наверняка есть парень, хотя мы с ней об

этом не говорили. Впрочем, мысль о том, что моей соседкой по дому стала девушка, будоражила воображение; внезапно я получил возможность прикоснуться к женским тайнам.

На самом деле в университете мне совсем не нравилось, очень хотелось поскорее получить диплом и уехать.

Я родился и вырос в Бруклине, в Вильямсбурге, рядом с Гранд-стрит, где в то время жилье стоило гораздо дешевле, чем сейчас. Мама была школьной учительницей, преподавала историю в одной из школ Бедфорд-Стейвесанта, а папа работал фельдшером в больнице округа Кингс. Хотя по происхождению я и не из рабочей семьи, из-за района, в котором мы жили, я полагал, что родители — из синих воротничков.

Детство мое прошло безбедно, семья не нищенствовала, хотя родители и не могли позволить себе особой роскоши. В многоязычной среде Бруклина я чувствовал себя как рыба в воде. Семидесятые годы были трудным временем для Нью-Йорка; помнится, многие жили впроголодь, а преступность цвела пышным цветом.

В Принстоне я вступил в несколько студенческих обществ и в один из знаменитых трапезных клубов на Проспект-авеню, часто встречался с членами братства Треугольника — актерами-любителями.

Несколько своих рассказов, написанных перед окончанием школы, я представил на суд

литературного кружка с пафосным названием. Кружком руководил относительно известный писатель, которого тогда пригласили читать курс лекций. Участники кружка, как могли, издевались над английским, сочиняя бессмысленные поэмы; как только выяснилось, что мои рассказы были классическими по форме и содержанию, а вдохновение я черпал в произведениях Хемингуэя и Стейнбека, меня объявили моральным уродом. В общем, год спустя все свободное время я проводил в библиотеке или дома, в одиночестве.

Принстонские студенты по большей части были выходцами из семейств среднего класса, с Восточного побережья. Их родители, напуганные шестидесятыми, когда весь мир как будто перевернулся, воспитывали своих отпрысков так, чтобы не допустить повторения недавних безумств. Итак, в шестидесятые была музыка, марши протеста, лето любви, эксперименты с наркотиками, Вудстокский рок-фестиваль и противозачаточные средства. В семидесятые — конец кошмарной войны во Вьетнаме, расцвет дискотек, клеши и освобождение от расовых предрассудков. Восьмидесятые же казались мне совершенно непримечательным временем; ничего не происходило, мое поколение опоздало на нужный поезд. Рональд Рейган, как хитрый старый шаман, вызвал к жизни дух пятидесятых, замутняя сознание нации. Деньги сметали с пьедесталов всех богов, готовясь к победному шествию по стране, а улыб-

чивые златокудрые херувимы в стетсонах набекрень распевали гимны, восхваляя свободу частного предпринимательства: «Молодец, Ронни! Так держать!»

Принстонские студенты, как по мне, были снобами и конформистами, хотя и старались изо всех сил выглядеть бунтовщиками, дабы соответствовать традиционному образу Лиги плюща, сложившемуся в предыдущие десятилетия. Принстон всегда славился своими традициями, но мне они казались нелепым притворством — время лишило их всякого смысла.

Преподавателей я считал посредственностями и неудачниками, которые больше всего на свете боялись потерять свои важные посты. Те студенты, которые изображали из себя марксистов и революционеров, хотя и жили припеваючи на родительские денежки, не расставались с толстенным томом «Капитала», а те, кто именовал себя консерваторами, вели себя с важностью потомков того самого пилигрима на «Мейфлауэре», который, сидя на высокой мачте, первым крикнул: «Земля!» Для первых я был представителем мелкой буржуазии, которую надо презирать как класс и топтать все соответствующие моральные ценности, а для вторых — бруклинским нищевродом, который каким-то образом проник на священную землю принстонского кампуса, преследуя сомнительные и наверняка порочные цели. В общем, Принстон казался мне местом, населенным

чванными роботами, говорящими с бостонским акцентом.

Вполне возможно, что все это существовало лишь в моем воображении. Решение стать писателем я принял еще в школе и постепенно составил мрачное и скептическое представление об окружающем меня мире с неопределимой помощью Кормака Маккарти, Пола Остера и Дона Делилло. Меня не покидала уверенность в том, что настоящий писатель должен быть разочарованным в жизни одиночкой, однако при этом исправно получать огромные гонорары и отдыхать в роскошных европейских отелях. Я говорил себе, что если бы Сатана не поразили Иова проказою лютою и не усадил бы его на гноилице, то человечество лишилось бы шедевра мировой литературы.

Стараясь проводить как можно меньше времени на кампусе, по выходным я уезжал в Нью-Йорк. Там я бродил по букинистическим магазинчикам Верхнего Ист-Сайда, смотрел спектакли в крошечных театрах Челси, ходил на концерты Билла Фризелла, Сесила Тейлора и *Sonic Youth*¹ в клубе «The Knitting Factory», недавно открывшемся на Хьюстон-стрит. Я часто сидел в кафе на Миртл-авеню или же, перейдя

¹ *Билл Фризелл* (р. 1951) — американский гитарист, композитор и аранжировщик, работающий в различных стилях, от классики и джаза до прогрессивного фолка и кантри.

Сесил Тейлор (р. 1929) — американский пианист и поэт, один из основоположников фри-джаза.

Sonic Youth — нью-йоркская группа экспериментально-го и шумового рока, основанная в 1981 г.

по мосту в Нижний Ист-Сайд, обедал с родителями и младшим братом Эдди, в то время еще старшекласником, в одном из местных ресторанчиков, где все друг друга знали.

Экзамены я сдал без особого труда, хоть и не с блестящими результатами, но с хорошими оценками — это ни у кого не вызывало нареканий и оставляло мне время для литературного труда. Я написал десятки рассказов и начал роман — впрочем, дальше первых глав так и не продвинулся. Я печатал свои творения на стареньком «ремингтоне», который папа нашел на чердаке, отремонтировал и подарил мне в день отъезда в колледж. После многократного перечитывания и правки написанное обычно отправлялось в корзину для бумаг. Словно шимпанзе, восхищенно вззирающий на женщину в красном платье¹, я бессознательно подражал своим любимым авторам.

В силу разных причин наркотиками я не увлекался. Травку я впервые попробовал в четырнадцать лет, на экскурсии в ботанический сад. Мой одноклассник, Мартин, принес два косячка, и мы с приятелями выкурили их на шестерых в укромном уголке, с восторгом представляя, что погружаемся в мутные воды преступного мира. В старших классах я еще пару раз курил марихуану и напивался дешевым

¹ «Макс, любовь моя» (Max, Mon Amour) — фильм о любви жены английского дипломата к шимпанзе по кличке Макс, снятый в 1986 г. режиссером Нагисой Осима и представленный на Каннском кинофестивале.

пивом на вечеринках в каких-то притонах на Дриггс-авеню, но, к облегчению родителей, не испытывал удовольствия ни от наркотиков, ни от выпивки. В семидесятые те, кто сворачивал на кривую дорожку, о приличной работе не мечтали — обычно они умирали либо от ножа в переулке, либо от передоза. В школе я учился прилежно, окончил на «отлично», и меня были готовы зачислить и в Корнеллский, и в Принстонский университеты. Я выбрал Принстон — тогда он считался более прогрессивным.

В те годы на телевидении еще не было бесконечной череды передач, где бездарностей заставляют петь, сносить оскорбления вульгарных ведущих или забираться в бассейны, полные змей. Американские программы телевизионного вещания тогда еще не превратились в повесть, рассказанную дураком, где много и шума, и страстей, но смысла нет¹. Однако меня не интересовали ни лицемерные политические дебаты, ни дурацкие шутки, ни глупые фильмы о глянцевых подростках. Немногие достойные репортеры и продюсеры, которые удержались в телестудиях с шестидесятых и семидесятых годов, теперь казались древними динозаврами, наконец-то заметившими метеорит, что грозил стереть их с лица земли.

¹ У. Шекспир. Макбет. Акт V, сцена 5 (перев. М. Лозинского).

Как выяснилось, Лора любила по вечерам смотреть дурацкие телепередачи, утверждая, что таким образом ее мозг расслабляется, позволяя переработать, систематизировать и сохранить всю информацию, накопленную за день. Так что осенью 1987 года от Рождества Христова я с мазохистским удовольствием проводил много времени перед телевизором: мы с Лорой, сидя на диване, обсуждали ток-шоу, новости и мыльные оперы, как два брюзги в ложе театра марионеток¹.

О профессоре Джозефе Видере она рассказала мне не сразу и только к Хеллоуину призналась, что с ним знакома. В те годы Видер был одним из самых известных профессоров, преподававших в Принстоне, и его считали своего рода Прометеем, раскрывшим человечеству тайну огня. Мы с Лорой смотрели ток-шоу Ларри Кинга², куда Видера пригласили поговорить о наркомании: за день до передачи в лесу близ города Юджин, штат Орегон, от передоза умерли трое молодых людей. Выяснилось, что профессор Видер был, по выражению Лоры, ее «хорошим другом».

К тому времени я, сам о том не догадываясь, уже в нее влюбился.

¹ Статлер и Уолдорф, персонажи юмористической телепрограммы «The Muppet Show» (1976–1981).

² «Larry King Live» — популярная телепрограмма на канале Си-эн-эн с 1985 по 2010 г.; в каждом выпуске ведущий, Ларри Кинг, брал интервью в прямом эфире у видных политиков, бизнесменов, актеров и прочих знаменитостей.

Глава вторая

Последующие недели стали счастливейшими в моей жизни.

Лекции по психологии читались в Грин-Холле, всего в нескольких минутах ходьбы от Маккош-Холла и Дикинсон-Холла, где проходили лекции и семинары по английской литературе, так что мы с Лорой много времени проводили вместе — в Файерстоунской библиотеке, по дороге домой мимо стадиона, в Музее искусств или в одном из многочисленных кафе по соседству, а иногда даже уезжали на поезде в Нью-Йорк, ходили в кино, смотрели «Грязные танцы», «Космобольцев» и «Неприкасаемых».

На факультете психологии у Лоры было много друзей. С некоторыми она меня познакомила, но в основном предпочитала проводить время со мной. Наши музыкальные вкусы различались: она любила тогдашних новомодных исполнителей — Лайонела Ричи, Джорджа Майкла и *Fleetwood Mac*, но терпеливо слушала и мои диски — джаз и альтернативный рок.

Иногда мы сидели и болтали до самого утра, подбадриваемые кофе и сигаретами, а потом, вздремнув часок-другой, полусонными отправлялись на лекции. Свою машину Лора водила редко, мы оба любили ходить пешком или ездить на велосипедах. Когда ей не хотелось смотреть телевизор, она включала игровую приставку NES и мы гоняли по экрану уточек или рыбку Бабблс в игре «Клу-клу-ленд».

Однажды, когда мы играли уже несколько часов, Лора сказала:

— Ричард... — (Она никогда не называла меня Ричи или Диком.) — А знаешь, что мы, в смысле наш мозг, по большей части не отличаем вымысел от действительности? Поэтому мы и способны рыдать и смеяться над фильмами, хотя прекрасно знаем, что перед нами — всего лишь представление, что вся история выдумана писателем. Без этого «изъясна» мы ничем не отличались бы от РОБов.

РОБом называли игрушечного робота, изобретенного японцами для развлечения одиноких подростков. Лора мечтала обзавестись такой игрушкой, назвать ее Армандом и научить подавать кофе в постель или покупать цветы, чтобы поднять хозяйке настроение. Ей было невдомек, что я без всякого обучения был готов делать для нее все это — и многое другое.

Что такое боль, понимаешь лишь тогда, когда уязвлен так глубоко, что все остальные обиды и огорчения представляются пустяковыми

Содержание

Часть первая. ПИТЕР КАЦ	9
Часть вторая. ДЖОН КЕЛЛЕР	111
Часть третья. РОЙ ФРИМЕН	225
Эпилог	307
Благодарности	312
Послесловие автора	314

Чирóвици Э. О.

Ч 65 Книга зеркал : роман / Э. О. Чирóвици ; пер. с англ. А. Питчер. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. — 320 с. — (Азбука-бестселлер).

ISBN 978-5-389-12356-4

Самый ожидаемый дебют 2017 года! Роман уже переводится на 37 языков! Английское издание вышло в январе 2017 года, американское — в феврале, тогда же, когда и русское.

Итак, нью-йоркский литературный агент Питер Кац получает заявку на издание автобиографии под названием «Книга зеркал». К заявке приложено начало рукописи — некто Ричард Флинн вспоминает годы учебы в Принстоне, первую любовь, работу на знаменитого профессора психологии Джозефа Видера. Эти события 25-летней давности имели трагическую развязку, однако преступник остался не пойман и не разоблачен; теперь же Ричард вдруг увидел все происшедшее в ином свете, по-новому оценил роль своей бывшей возлюбленной Лоры Бейнс... но рукопись заканчивается на полуслове. Заинтригованный, Питер пытается заполучить остаток «Книги зеркал», однако рукопись оказывается такой же неуловимой, как правда о случившемся четверть века назад...

«Книга зеркал» — это роман-загадка в духе «Ночного кино» Мариши Пессл. Это книга о том, как воображение безотчетно подменяет реальность. Это книга о секретной власти историй — тех, которые мы рассказываем, тех, которые мы скрываем, и тех, ради сохранения которых в тайне мы готовы на все.

Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

Э. О. ЧИРОВИЦИ

КНИГА ЗЕРКАЛ

Редактор Александр Гузман
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Елена Терскова, Станислава Кучепатова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 27.01.2017. Формат издания 84 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 10 000 экз. Усл. печ. л. 15,6.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

YABA2038901R